

Литобъединение

Литературное объединение «Геликон», – СУНЦ НГУ, руководитель А. В. Подистов

Илья Бредихин

Человек второго поколения

Карканье вороны. Здесь ей нечего есть. Груды металла и острые штыри, направленные в тучное небо. И шероховатая ржавчина вокруг. А он здесь. Красивый, смазанный, даже все еще рабочий, но...

Но в самом деле, кому нужен робот второго поколения? Такое старье, не правда ли? Он полусидел на земле, пропитанной солями из разломанных аккумуляторов. ГН-109, в семье Красновских называемый просто Гошкой, теперь был на свалке. И теперь он вспоминал. Насколько мог вспоминать. Дефрагментировал данные.

Он вспоминал. Его купили пятнадцать лет назад. Тогда он был просто прорывом в робототехнике и гордо стоял посреди магазина на самом красивом пьедестале. Поверите ли, робот-рабочий, который теперь двигается почти как человек! Семья Красновских восхищенно рассматривала его минуты три и купила без раздумий. И он был рад попасть в такую семью как Красновские. Ребенок в семье, трехлетний Вова, крепко обнял металлический корпус и твердо сказал, что не отпустит.

Продолжить дефрагментацию.

Прошло пять лет. Гошка пережил и увидел много. На нем рисовал Вова красками будучи совсем маленьким, и с ним же обсуждал секреты своего человеческого третьего класса, так как родители обычно были заняты своими банковскими делами. И тогда-то, однажды за семейным ужином, он увидел первую из «этих» реклам. Там

говорили, что выпущен робот третьего поколения. Быстрее, умнее, красивее внешне. Тогда он впервые и встретил тот взгляд родителей Вовы. Взгляд был пустой, словно на механический будильник, который давно пора заменить на электронный, а то и вовсе вставать по рингтону телефона. Да, он знал о механических будильниках. Глаза Вовы просто загорались, когда он читал статьи о старых механизмах. Он мог рассказывать об этом часами, а Гоша просто слушал.

Прошло еще пять лет. Первые конфликты в школе и начало самого бурного периода в жизни человека. Он приходил домой все позже, злился из-за ничего и часто запирался в комнате. Но все же потом открывал дверь и запускать внутрь Гошу. Кричал, срывался, рассказывал все проблемы. Крепко обнимал и благодарил за понимание.

Иногда приходили его друзья. Они ему нравились, как могут нравиться роботу. Рома и Глеб. Они не смотрели на него так, как теперь постоянно смотрели родители Вовы. Как говорил Вова, они «делали всякую прикольную фигню». Все вместе они садились играть во что-нибудь в нейрошлемах или паяли что-то очень сложное, или же просто смотрели вместе какое-нибудь «чертовски крутое кино». Они смеялись, и Вова смеялся вместе с ними. И это было хорошо.

Иногда он притаскивал со свалок какую-нибудь деталь. Гоша знал все мелкие шестеренки, каждый провод и конденсатор, что лежали грудками в коробках на его полках. Нет, дело не только в многочасовых лекциях о будильниках, радио и конденсаторах. Теперь он скачал в себя кучу энциклопедий, посвященных этому всему и

теперь даже мог говорить с Вовкой, давая ему дельные советы по его микросхемам. Вовка улыбался и благодарил. А потом они снова садились смотреть какое-нибудь «чертовски крутое кино».

Тогда же вышла и вторая «такая» реклама. Робот четвертого поколения был великолепен. И был по карману семье Красновских. Даже не стесняясь робота, который в углу готовил оладьи, Александр и Юлия Красновские предлагали сыну «обновить» Гошеньку, просто заменив на другого Гошеньку. Но каждый раз в таком разговоре Вова хмурился и говорил, что и этот Гоша хорош. Не нужно ему другого.

Прошло еще пять лет. Трудный был день. Конечно, для семьи Красновских поступление сына было очень радостным событием, и они все даже отпраздновали это должным походом в парк, но...

Но Вова как-то не был рад. Сейчас он, уже совсем взрослый и даже с щетиной, сидел на кровати. То был его последний день дома. Гоша просто присел рядом с ним и обнял за плечо. Непонятно откуда, но он знал, что так нужно для человека. Парень печально улыбнулся. Вместе они посмотрели тогда один старый фильм. После он просто взял уже заранее собранные сумки, обнял робота и вышел за дверь. Больше Гоша его не видел.

Сентябрьские дожди хлестали, отрывая самые слабые листья с деревьев. Родители, вечно как-то по-деловому улыбавшиеся друг другу, теперь гораздо чаще были в комнате сына. Раньше они туда практически не заходили. Тогда Гоша заметил первые пропажи. Полки стали пустеть. Коробка за коробкой, провод за проводом. В те дни робот успел разве что прихватить вольфрамовый стержень. Им Вовка особенно гордился.

Полки опустели. А потом исчезли вообще те старые деревянные шкафы. Испарились без следа любимые учебники Вовы по радиотехнике. Как услышал робот однажды, они строили «высокоэффективный кабинет» для своего сына. Чтобы по возвращению

ничто не мешало ему работать. Всё во имя эффективности.

Комната заменялась. Деталь за деталью, деталь за деталью... и однажды, зайдя в комнату, Гоша понял, что здесь больше не было ничего, что было комнатой Вовы. Это было идеальной комнатой для работы, но не было комнатой его друга.

Друга? От неожиданной мысли робот зашевелил визуальными сенсорами. Все это время Вова отказывался заменить его, чтобы не потерять друга! Но Гоша продолжил дефрагментацию. В тот момент в комнате был еще и он. SN-606, робот пятого поколения. Только-только рекламы о нем начали заполнять сеть. Родители с теми же деловыми улыбками поприветствовали его и назвали ласково Сеней. А GH-109...

Мог бы Гоша вздохнуть, вздохнул бы. Но теперь ему стоило беречь энергию. У роботов второго поколения все еще была подпитка от сети. А здесь ни одной розетки. Забавно, забавно. Осталось 34%. Робот, единственное живое здесь существо, отключил свои визуальные сенсоры. Вот-вот кончится батарея, и он отключится навсегда. А потом он ненужным куском металла упадет под пресс.

Прошел день. 21%.

Еще один. Рядом каркнула ворона. Робот услышал сочувствие в карканье. Не сходил ли он с ума? 15%.

И еще день. 6%

GH-109, наверное, доживал последние минуты. Он не злился на родителей Вовы. Они были правы со своей точки зрения. Но Вовка вряд ли будет рад. Эта мысль давила на него пуще всякого пресса. Аудиосенсоры начали барахлить – появлялись посторонние шумы.

Или не шумы?

Он услышал шаги. И высокие частоты. Разговоры?

Голоса были знакомы. Они погубили с тех пор, но они были знакомы!

Звуки приближались. И вот разговор, кажется о Вовке, прервался. И раздался громкий возглас:

– Гошка?

Включил видеосенсоры. И данных... нет, чувств стало невероятно много. Те двое, самые чертовски крутые друзья Вовы! Конопатый и рыжий как ржавчина вокруг, Рома наклонился над самым лицом GH-109.

– Реально ж Гошка!

Глеб, все время носивший толстовку, басом сказал:

– Негоже. Давай в гараж его.

Ромка схватился за ноги, а Глеб подвел руки под голову Гошки и с улыбкой сказал:

– Не бойсь, железный. Скоро будешь дома.

Его понесли со свалки. Из-за свинцовых туч и штырей проглядывало солнце.

Гараж понравился Гоше. Он был завален всякими конденсаторами и проводами, словно старая комната Вовы. Рома и Глеб посадили Гошку на диван и даже подключили к откуда-то откопанной зарядке. И тут же позвонили Вове по видеосвязи. Глеб сел напротив камеры.

– Эй, мелкий! Как живется?

– Привет. Сам знаешь, – огрызнулся тот.

– Слушай. Искали мы тут пару антенн подходящих... И знаешь, что нашли?

– КОГО нашли, точнее. – поправил Рома. Глаза его светились.

– Ну и?

Камеру повернули на Гошу. На экране был Вова. Лицо его вытянулось, и через три секунды молчания он закричал:

– О Господи! Парни! Это ж... Это ж Гошка, да?

– А то! С самой свалки тащили! – влез в кадр Глеб.

– Во-ваааа! – наконец включился динамик Гоши.

– Да? – Вовка счастливо улыбался и очень напоминал того Вовку лет пять назад.

GH-109 открыл свое маленькое хранилище, которое у всех роботов второго поколения было в области корпуса. И достал оттуда вольфрамовый стер-

жень. Вовка засмеялся. Он смеялся и плакал. Утерев слезы, сказал:

– Башка железная! Спасибо! Не беспокойся. Ты поживешь у них в гараже некоторое время. И... Сохрани стержень, пожалуйста. Черт, да я даже не думал, что хоть что-то... А, забудь. В общем, живи там, пока не приеду. А я буду звонить каждый день. Честно-честно!

Они еще полчаса болтали о всяком, как раньше. И Гоша был рад. Абсолютно точно по-человечески рад.

Он знал – он снова дома.

О смысле жизни

{Зачем ты возишься с ним? Он безнадежен.}

– Здоров, Барсик.

Кот проснулся и зеленым глазом недовольно посмотрел на человека. Господи, он не мог тише прийти? Барсик уткнулся обратно в пушистые лапки. Ведь этот сценарий он знал как свои коготки.

– А-а-а, твою налево, как же я уста-а-ал.

Хозяин присел на диван рядом и включил телевизор. Там вновь шла ~~какая-то криминальная хроника~~.

Алексей глубоко вдохнул для долгой речи. Понеслась...

– Этот Леонид Петрович... Редиска он редкостная! Работой грузит так, что там и черт ногу сломит...

Бесит. Запрос:

{Прошу техников быть готовыми к одной зачистке памяти}

– А Нина? Ну эта, которая секретарша его... Ну она ж явно не просто секретарша, ну ты ж понимаешь... – человек грязно усмехнулся.

Мерзость. Пришел ответ извне:

{Последняя зачистка была три месяца назад. Тебе могут вычесть из премии. Не хочешь потерпеть до отправки объекта на биомассу?}

– Экая fifa... Разукрасилась вся... Так и просит, чтобы он ее взял, да и...

{К чертям премию. Я хочу попытаться еще раз}

– Но явно ж из-за денег, да? Ну какая ж баба...

{Запрос одобрен}

– Заткнись.

Человек замер. Распахнув рот на своей самой смачной фразе, он теперь изумленно смотрел на питомца. Барсик, не сводя острого взгляда с хозяина, прыгнул с дивана и подошел ближе. Присев на потёртый ковер, он сказал:

– Пожалуйста, закрой уже рот. Мне не интересно, кто там кого нагрузил.

– Ты... ты... говоришь?

– А то не видно. – грустно ухмыльнулся кот. – Я удивлен, что ты не скатился обратно к уровню обезьяны с таким-то кругом интересов.

Схватившись за стену с потёками, Алексей медленно осел на пол. Зверёк усмехнулся:

– Хотя что-то новое в твоей жизни, да?

– Почему? Как?

– Мы уже в пятый раз говорим об этом. Но не волнуйся, ты забудешь и об этом дне тоже. Так что, – кот соорил издевательскую улыбку. – ты можешь спросить что угодно.

– Ты что... инопланетянин что ли?

С лица хозяина не сходила гримаса страха. Это и правильно.

– Для тебя, наверное, да. Хотя и не совсем. Но бластера у меня при себе нет.

Кажется, эта новость немного ослабила Алексея. Но прикрыть глаза хоть на секунду он все равно не осмелился.

– Чего тебе надо? Ежели людей есть, то лучше соседку мою съешь. Она пожирнее будет...

Кот оскалил клыки.

– Боже мой, просто заткнись, пожалуйста!

От столь резкого крика он немного дернулся в сторону угла, к батарее, которую отключили три дня назад.

– Ты можешь хоть что-то не ненави-

деть? Хоть кого-то? Что-нибудь здесь тебе дорого?

– Ну... квартира у меня есть...

– Вранье. Нет у тебя квартиры. Друг мой нетрезвый... – видимо, кот учуял запах дешевого пива у хозяина изо рта. – Что ты знаешь о человечестве? Чего оно добилось?

– Ну, это... медицину развили... космос покорили... Ты ж из космоса?

– Нет, не из космоса.

– Но ты же инопланетянин, не?

Кот фыркнул.

– Я иной для этой планеты, но все же не из космоса. Знаешь, в чем главный вопрос?

– В чем?

– А на своей ли планете ты?

Алексей удивленно прищурился.

– Чё?

– Так выходит, что и ты, и я не принадлежим этой «планете». Забавно, правда?

– Но... как?

Барсик вздохнул и повернулся боком.

– «Матрицу» смотрел?

– Ага. Видел когда-то. Ничего так фильм был, вроде.

Кот предпочел проигнорировать эту оценку и ответил. Коротко и просто.

– Мы в симуляции, Лёша.

– Где?

– В программе. В компьютере, если тебе так понятней. – сказал он.

– Это... как так-то?

– Ну, почти как в «Матрице». Ты сейчас лежишь где-то в капсуле с питательным веществом, к тебе прилеплены присоски... Но мы, коты, погуманнее роботов из фильма, так что игла всего одна и она в голове.

Напрягая все свои извилины, Алексей сказал:

– И что, вы типа тоже энергию берете?

Кот вспрыгнул на подоконник.

– Нет. Вычислительную мощность симуляции не окупит ваша энергия. Так что вы у нас, дорогие, для других целей. Кстати, даже не существует никакой единой планеты. Просто

рендеримая локация для каждого отдельного человека. Знаешь, нам даже повезло с тобой. – кот потянулся. – На тебя, глупенький, даже большой мощности не нужно.

– Эй, ты, слышь, – человек было дернулся, но тут же сел обратно. Вспомнив, видимо, что говорит с котом. Тот продолжил.

– А где бы она была нужна, эта большая мощность? Простенькая жизнь. Из дома на работу, с работы домой. В магазин за пивом по субботам. Телевизор, как источник информации, весьма ограничен... Кстати, а ты знал, что все нынешние передачи просто создаются по принципу генератора случайных чисел, а? Мне это показалось забавным.

– Так зачем вам люди-то?

– А я не зря спросил. Повторю – чего добилось человечество?

– Ну... в космос летали... роботов делаем всяких... химия там...

– Человечество добилось огромных высот во всех мыслимых сферах. Мы, понимаешь ли, хотим ваши знания и мысли использовать. Наш собственный прогресс затормозился, и нам нужны свежие идеи. В общем-то, и всё.

Кот спрыгнул с подоконника и подошел к хозяину.

– Ладно, потешились и хватит. Слушай, Алексей. Скоро тебя отправят на переработку в биомассу. На топливо или на корм – неважно. Всё потому, что тебя считают бесполезным. Непродуктивная жизнь без какого-либо развития. Поэтому тебя хотят уничтожить – одного человека из пятидесяти миллиардов. Знаешь, этот разговор проходит уже пятый раз. – Барсик взглянул в глаза хозяина. – Каждый раз ты забываешь, потому что запрещено оставлять вам память о контактах с нами, операторами... Но в пятый раз прошу тебя – сделай хоть что-нибудь для своего спасения! Сходи в библиотеку, поиграй в шахматы, послушай Бетховена, наконец. Вдруг в механизме стирания что-то сработает не так, и ты вспомнишь эти слова!

Алексей смотрел на Барсика ошарашенно. Наконец, он улыбнулся и даже немного хохотнул.

– Ну и денёк же. Мой кот начал учить меня жизни. Ладно, усатый! Я постараюсь!

Кот улыбнулся.

{Запрос на зачистку памяти}

– Здоров, Барсик.

Кот проснулся и зеленым глазом недовольно посмотрел на человека. Господи, он не мог тише прийти? Барсик уткнулся обратно в пушистые лапки. Ведь этот сценарий он знал как свои коготки.

– А-а-а, твою налево, как же я уста-а-ал...

Хозяин присел на диван рядом и включил телевизор. Там вновь шла какая-то криминальная хроника.

Алексей... вдруг оперся рукой на подлокотник старого дивана и тихо сказал:

– А судьи кто... За древностию лет...

Барсик аж поднял голову. Какого лешего?

Заметив реакцию кота, хозяин сказал:

– Что, нравится? Это... Грибоедов, кажется. В школе читали. Может, почитать как-нибудь на днях? Что думаешь, а?

От удивления тот мог разве что раскрыть рот в беззвучном мяуканье. Алексея это насмешило.

– Ха-ха, морда усатая! Все, жди тут короче. Я за книгой.

Он резво встал, выключил телевизор, накинул старую кожаную куртку и вышел вон из квартиры.

Сообщение:

{Отмените направление объекта номер 158.531.09 на переработку в биомассу.}

{Причина отмены?}

{Лёшу спас Грибоедов}

Владислава Шандараева**Божьи коровки летят в тепло**

Конец сентября, солнечно. На асфальтовых дорожках кровавые пятна погибших воинов. Они похожи на раздавленную рябину.

Я боюсь божьих коровок. Вообще любых насекомых боюсь. Даже не так. Испытываю к ним сильную неприязнь, граничащую с отвращением. В помещении душно, но до наступления темноты окно открывать нельзя. Я пару дней назад уже совершила такую ошибку и расплачиваюсь за неё до сих пор. По плотной шторе ползёт маленькая божья коровка. Ещё одна, уже явно достигшая половозрелости, сидит на оконном стекле. Третья, которой давно пора заняться спортом, всем своим жирным тельцем развалилась на уголке книжной полки. Спасибо другу, который просветил: божьи коровки летят туда, где тепло, чтобы спариваться и размножаться. Больше ни о чём не буду его спрашивать.

Я вторые сутки борюсь с желанием с криками выбежать и не возвращаться в общагу как минимум месяц. Ну, или взять волю в кулак и выкинуть незваных гостей в окно. В таких условиях невозможно заниматься! Засовываю ноутбук в рюкзак, одеваюсь и иду к выходу, лучше позанимаюсь где-нибудь в парке. Надев куртку, понимаю, что забыла рюкзак, мысленно чертыхаюсь, возвращаюсь в спальню и в ужасе замираю. На полу лежит крошечный красный бугорок. Нерешительно подхожу ближе, наклоняюсь. Черт! Черт! Это она. Та, самая жирная с книжной полки. Я на неё наступила, когда шла к выходу. Перебарываю отвращение, пытаюсь поднять бездыханное тельце. Руки дрожат. До чего мерзко. Из-под пятнистых крылышек торчит что-то оранжевое, полупрозрачное. Главное не задеть эту мерзость. Надеюсь, это крылышки, а не внутренние органы.

Наконец, всё закончено. Гость погребён в пакете с мусором, я иду в

парк, солнце нежно скользит по лицу и заставляет улыбнуться. Люблю сентябрь.

* * *

Она ушла. От бессмысленности нашей миссии хочется биться о стекло до потери сознания. Аластер мёртв. Кто будет следующим? Я или, может, Эгилия. Прошло более двух тысяч лет, наша раса рассчитала вплоть до секунд момент столкновения Земли с астероидом из Седьмой галактики Альфа-Цина, нашла планету с такими же условиями жизни, что и здесь, продумала строение ракет, которые подобно ковчегу из легенды этих двуногих доставит большую часть живых организмов к новому дому. Дело за малым, передать наши вычисления самым иррациональным, зато готовым каждому доказать своё умственное превосходство обезьянам.

До столкновения осталось чуть меньше 1360 человеческих суток, а мы за тысячу лет ни разу не смогли выйти на связь с этими созданиями. Солнце приятно согревает стекло, я почти спокоен, от усталости клонит в сон. За двое людских суток это существо женского пола не заметила ни наших пиктограмм, ни надписей на обложках тетрадей. Почему мы смогли полностью расшифровать их язык всего за человеческую неделю, а они за две тысячи лет не внедрили достаточно мощные микроскопы в свой быт?

Снова начинаю злиться. Тихий скрежет крыльев Эгилии о мои отвлекает от грустных мыслей. Благодарно трусь в ответ, одновременно посылая через Биотоп 7 мысленное сообщение. Эгилия совсем юная, но порой гораздо рассудительней меня. Она за несколько мысленных сгустков убеждает не отчаиваться и пытаться до конца. Победного или нет. Главное, сделать всё для выполнения миссии. В конце-концов, мы или спасём все организмы планеты или погибнем вместе с ними.

Хлопает дверь. Наша обезьяна быстро подходит к письменному столу, швыряет на него рюкзак, на

ходу стягивая куртку. Вновь начинает идти ко входной двери. До чего же непродуманные создания! Не успеваю среагировать. Эгилия молниеносно оказывается на рюкзаке, вползает внутрь. Завороженно смотрю на щель в молнии замка, считаю микросекунды. Сейчас она подключит наш передатчик к её ноутбуку, и тогда...

* * *

Я открываю рюкзак, вытаскиваю ноутбук. Мне мерещится тихий и резкий хруст. Не придаю этому значения, ставлю моего электронного друга на стол. Да что..! Какая мерзость! Эти божьи коровки даже в рюкзаке. Что ещё хуже, одну я раздавила прямо на крышке ноутбука. Бегу в ванную, долго мою руки. Потом заверну насекомое в туалетную бумагу и выброшу, сейчас главное смыть её кровь или сок, или из чего они там состоят?

* * *

От нагретого стека исходит тепло, мне кажется, что я снова дома, на диком лугу. Я ни о чём не думаю. Потом, когда моя психика будет готова, я осознаю, что Эгилия мертва, а я остался один. Позже я придумаю новый план и в последний раз рискну. Но сейчас мне не хватит сил принять этот исход. Поэтому я просто сижу на тёплом оконном стекле и смотрю на голубое ласковое небо. На ноутбуке бугорок, когда-то бывший моим главным соратником. На сером асфальте за этими стенами красные кружки собратьев, погибшие под весом двуногих. Они похожи на раздавленную рябину, которая также как все мы погибнет через 1360 человеческих суток.

Со мной ничего не случилось...

Холод заставляет межклеточную жидкость циркулировать быстрее, сокращения главного клапана ускоряются, тревожность растёт. Открываю глаз. Включаю тепловизор. Датчик мозговой активности считывает пробуждение. Подаёт сигнал главному процессору. Включаются вакуумные

обогреватели, играет высокочастотная мелодия, стимулирующая работу мозга. Встаю, отправляюсь в гигиеническую капсулу. Прежде чем задрать люк, снимаю тепловизор, кладу на антигравитационную полку. Погружаюсь во мрак. Тепло, мокро, сухо, снова мокро, температурные режимы стремительно переключаются – стандартная процедура закаливания сейчас включена во все, даже самые недорогие гигиенические капсулы.

Через пять минут я чист, причёсан и одет. Выхожу из капсулы, тянусь за тепловизором. Что за?.. Ни полки, ни моего зрения. В помещении уже жарко, но без зрительного импульса я не могу отключить теплодувы. Кромешная темнота угнетает. Дольше пятидесяти минут находиться в состоянии бодрствования без зрения опасно для психического здоровья. Пожизненное лишение тепловизора – наказание за самые страшные преступления против государства. Даже смертная казнь гуманней.

По шее стекает влажная капля. От волнения запускается защитный механизм – поры выделяют влагу, чтобы защитить верхний эпителий от перегрева. Мы отделились от водных форм более ста миллиардов лет назад, но всё ещё боимся высоких температур и сухости. Поворачиваюсь на 180 градусов, нащупываю гигиеническую капсулу. Два шага влево, три вперёд – стена. Двигаюсь вдоль неё до рубильника сигнала тревоги.

Откидываю защитную крышку, прижимаю третий слева отросток для сканирования биоматериала. Вздрагиваю от стука – упала вторая защитная панель. Наклоняю голову вперёд, чувствую на зрачке вязкую слизь. Резкая вспышка лазера падает прямо на сетчатку, на несколько секунд ослепляет. Вокруг только белый. К счастью, темнота быстро возвращается. Воцаряется полная тишина – дом обесточен, все механизмы сохранения жизнепригодной среды выключены. В таком режиме я могу просуществовать сутки. Поводов для беспокойства нет,

через тридцать три минуты и сорок одну секунду здесь будет патруль. Он разберётся, что с моим тепловизором.

Итак, мне нужно на протяжении ещё 33 минут сохранять рассудок в крошечной темноте. Не считая небольшого приступа паники, лёгкого обезвоживания и неприятного запаха, исходящего от слизи пор, я в порядке. Как нас учили на УВЧЭС – уроках выживания в чрезвычайных и экстремальных ситуациях, при потере зрения нужно в первую очередь найти безопасный угол и расположиться в нём до прибытия помощи.

Опускаюсь на четвереньки и ползу вдоль стены. Рано или поздно она упрётся в другую стену и таким образом создаст угол. Мягко. Влажно. Чувствую импульсы доброжелательности и любопытства. В ужасе замираю. Кто-то проник в мою персональную капсулу сна! Я слышал о таком только в легендах и криминальных сводках. Сумасшедшие и выродки с физическими уродствами, которые избежали послеродового умерщвления, недограждане и недозвери, которые всю жизнь скрываются в токсичных областях государства и порой забираются в капсулы граждан. Обычно это заканчивается смертью для разумного существа. Выродка, конечно, затем тоже умерщвляют, но это отнюдь не возмещает вред, им причинённый.

Мысли проносятся в одно мгновение и проецируются на мои импульсы. Неизвестное существо отшатывается. Я чувствую его страх. Мне отчего-то становится жалко неопознанное нечто. Мой испуг вытесняется чем-то вроде сопереживания, описанного в книгах по нехарактерным эмоциональным реакциям. Я сосредотачиваюсь и протягиваю мысленную нить тепла. Существо несмело приближается, следуя моей тепловой трассе. Я охватываю его всеми двенадцатью щупальцами. Оно оказывается маленьким и хрупким. Страх спровоцировал в нём мощный выброс слизи, оно покрылось ею полностью и размазало очертания тела.

Я довольно брезглив, но это суще-

ство наполнено каким-то необъяснимо привлекательным светом. Мне даже кажется, что темнота приобретает лёгкий розоватый оттенок, который меняет интенсивность, падая на предметы. Этого естественно не может быть, ведь я по-прежнему без тепловизора. Однако меня окутывает спокойствие и уверенность. Я посылаю существу импульсы расположенности и оно отвечает жгучей признательностью. От такого теплового воздействия мои поры намокают, но это не доставляет дискомфорта.

Я считаю, что создание очень юное, из расы нежнейших. Оно весьма сообразительно и даже остроумно. Я всё больше проникаюсь симпатией и даже как будто привязываюсь. Течение времени перестает существовать. Такое со мной впервые. Мы погружаемся в увлекательный обмен импульсами.

Грохот взломанного клапана оглушает, вспышка внешнего освещения доставляет физическую боль. Я выпадаю из реальности на декаду секунды. Прихожу в себя от прохлады тепловизора на глазе. Вижу четырёх патрульных в полной амуниции. В их щупальцах что-то маленькое, спутанное медными шипованными канатами. Защитная броня поглощает любые импульсы, и я узнаю моего гостя, только когда его дотаскивают до двери. Он корчится от боли в свете внешней стороны капсулы. Я сжимаюсь и покрываюсь слизью от осознания того, что сейчас случится.

Хочу остановить патруль, но вдруг замечаю тринадцатое щупальце у пленника. Это выродок. Ошибка природы, часть государственных отходов, непонятно как дожившая до половозрелости. Меня пронзает мысль: оно разумно. За ней следует вторая: я общался с выродком. Сообщить о его разумности – навлечь на себя смертную казнь или лишение тепловизора. Мысли превращаются в неразличимый вихрь. Начинаю задыхаться. Падаю.

Прихожу в себя и слышу оповещение от мозгового датчика: летаргический сон прерван после трех минут и

двадцати семи секунд. Я один в моей капсуле. На глазу тепловизор. Включаю новостной приёмник, чувствую импульсы тревоги и возмущения: «в капсулу гражданина ворвался жестокий выродок расы нежнейших. Патруль прибыл как раз вовремя и спас гражданина». Перестаю вслушиваться, сосредотачиваюсь на внутреннем таймере. Надо забыть. Мысли подобны преступлению. Ко мне приходил преступник. Выродок, который пытался меня убить.

По телу пробегает остаточный импульс тепла, легкое пощипывание от ироничной шутки. Оно было разумно. Было как я. Не замечаю сочащейся слизи, не считываю новостной приёмник, не чувствую внутренний таймер. Я видел убийство. Я видел убийство. Я видел убийство. Я видел...

Писк полученного уведомления вырывает из небытия. Включаю импульсную проекцию: Дорогой Краснощупый Е-0752, патруль доложил о произошедшем на вас нападении, поэтому высокочтимый мыслительный центр резервации постановил освободить вас от общественных работ на нынешние сутки. Лечебная комиссия постановила вам пройти процедуру полной антибактеризации в вашей гигиенической капсуле, а затем принять нужную дозу слипина, для погружения в глубокий сон до следующих рабочих суток. Мыслительный центр постановляет приступить в реализации рекомендаций немедленно».

Вхожу в гигиеническую капсулу. Прежде чем задраить люк, снимаю тепловизор, кладу на антигравитационную полку. Погружаюсь во мрак. Тепло, мокро, сухо, снова мокро, температурные режимы стремительно переключаются, очищающий гель жжётся. Ничего не вижу, отдаюсь во власть гигиенической программы. Я ничего не видел. Меня ждёт глубокий сон и стандартные рабочие сутки. Я никого не встречал, со мной не происходило ничего нестандартного.

Анна Шмырина

Экспонат

– Сэр.

– Да?

– Я нашел то, что нужно.

– Точно? – голос начальника был слышен настолько хорошо, что молодой сатурианец вздрогнул. «Никак не привыкну», – подумал он.

– Ну, пара параметров отличается на 1,5 Гра, но и Земля не идеальна.

– Идеал недостижим. Философы выяснили это ещё 20 веков назад, но эта планета наиболее точная копия из всех. – По заверениям разработчиков xphones226 качество звука у гарнитуры, как если бы собеседник стоял рядом. Спонсоры Проекта (с большой литеры П) не скупилась на качественное оборудование.

– Как скажете, – фыркнул инженер.

– Не паясничай, проследи за установкой двигателей, доставь основу в целости и сохранности и твоя работа будет закончена. Конец связи.

Установкой двигателей для малой планеты GSY8087 займутся роботы, но для начала нужно просчитать, куда их прицепить. Дело плевое. Хин экстерном закончил УОП и успешно отучился в ЦКН. Таких случаев было один на три миллиона по данным GOOGLESPACENET, и из инженеров В класса, работавших над Проектом, он был одним из самых молодых и востребованных. Считалось, что потомки людей с Сатурна отличаются умением найти наиболее выгодное и дешёвое решение из всех, да что греха таить, так и есть. Хин поднял голову и, устремив взгляд в чёрное небо, усеянное миллиардами звезд, попытался вспомнить примерное местонахождение Солнечной системы, далёкой исторической родины каждого человека. Даже занятно, что все началось с одной планеты на краю галактики, а сейчас

наполовину освоены три спиральных рукава. Хин был в двух и по своему опыту знал – на каждой планете небо разное, но у планет без атмосферы не так уж они отличаются. Несведущий человек вряд ли отличит звёздный купол Декарта-5 от GSY1056, да ему и дела до этого не будет. Сегодня все самое интересное буквально в наших руках – показания приборов, микрочипы, информация; а от звезд ничего нового не добьешься без подручных средств. «В голове не укладывается» – думал Хин, – «Древние люди, живущие на Земле, примерно определили строение Солнечной системы, наблюдая за движением светил, и подтвердили его экспериментальными данными. Ну а сейчас? Кто сейчас будет делать логические выводы, основанные на одном восприятии, когда под рукой сотни приборов, что сэкономят тебе и силы, и время? наших предков космос восхищал и завораживал, так как попадали туда лишь единицы, сейчас же половина людей рождается и большую часть жизни проводит вне планет. Как же все может измениться за несколько десятков веков». Вещи устаревают, приходят в негодность, и взгляды тоже.

Хин опустил глаза и быстрым шагом направился к астероидному модулю.

* * *

– Дорогие граждане, любители истории и просто зашедшие на огонёк. – На нехилый такой огонёк – гигантский крейсер, предназначенный специально для масштабных приёмов и праздников, был забит гостями из влиятельных кругов и среднего класса, но каждому нашлась каюта, а не успевшие купить билет могли лицезреть происходящее в главном зале с вай-дейэкранов, прикреплённых к кораблю снаружи. На них даже можно было разглядеть парящие шарообразные камеры-прожекторы «tinySun», полный набор цветов для ваших рецепторов от компании Paston.

– Сегодня наш музей истории человечества представляет наиболее точную копию Земли из всех! Спустя

почти три тысячи лет после «Разрушения» мы наконец сможем увидеть нашу родину вживую! Это величайший памятник, созданный людьми! – вещал ведущий, освещенный лучом «tinySun». – После торжественной части для почётных гостей будет проведена презентация в трансмодуле, а остальные смогут полюбоваться прекраснейшей из планет через прямую неттрансляцию!

– А шведский стол будет? – Хин не ел дня четыре и изрядно проголодался. Ему и другим участникам Проекта были отведены места в первом ряду, ну или почти, в третьем. Кали улыбнулась.

– Тебе не интересно? Наш умник скучает?

– Ты бы тоже сейчас скучала, если бы четверо суток настраивала аппаратуру на репетиции. Сейчас будет концерт в двадцать номеров, после благодарности спонсорам и вечеринка длиной в двенадцать часов. Но организационными моментами я не занимался, поэтому насчет еды не знаю. – желтоватая кожа сатурианца была ещё беднее из-за усталости и сумрака в рядах.

– У копии Земли такие же размеры и пропорции, как у оригинала и даже ландшафт совпадает на 98 процентов. Также Земля-2 заселена животными, созданными по образцам ДНК... – лез в уши голос ведущего.

– Это же ты пригнал основу для копии Луны? – спросила Кали, слегка наклонив голову. Её глаза отражали многочисленные огни большого зала и словно сами светились темным янтарем.

– И я же нашел, попрошу. Между прочим, переть эту штукуну сюда – не развлечение, одна бюрократия на границах заняла 36 часов и 45 минут. Вам, дизайнерам, хорошо, сидите себе дома, выстраиваете ландшафт на компьютере...

Хин как-то раз попробовал смоделировать карту деревни, где жили его родители. Результат на качественный не претендовал.

– Что ж ты в технари пошел? – рас- смеялась девушка, и ему показалось, что где-то далеко родилась звезда.

– Не хочешь прогуляться? – капли янтаря.

– ...

* * *

Трансмодуль за две секунды пере- нёс их на отделанную под камень площадку. Прохладный ветер приятно контрастировал с теплом, вырабатыва- емым городскими генераторами.

– Смотри, это, конечно, не тот купол, который видели много поколений древних: Аристотель, Ньютон, Рахма- нинов...

– Кто это?

– Я бы ответила, кто ты...

Кали остановилась на полуслове и, спустя долгую секунду, тихо про- должила:

– Мне кажется, это все-таки то са- мое, Земное небо.

Так высоко и так близко горели звезды. Они зачаровывали и манили. Все важное и не важное обратилось в пыль, на мгновение тайное знание вспыхнуло в душе и заснуло до лучших времен.

Космос был прекрасен.

Юрий Некрасов

Дело № 5897932

Из дневника А. Анирымш, за- ведующей отделением психических заболеваний и выслушиваний жалоб окружной больницы 3141592653.

Дело № 5897932.

...Когда ко мне поступил этот «ре- бёнок» лет 13-ти, мне сначала при- шлось выслушать получасовое «эссе» родителей о том, что, как и когда всё началось, свои диагнозы (было такое ощущение, будто они проштудировали минимум 10 словарей болезней и «О, Боже, доктор, это не смертельно?!» и в том же духе.

Хорошо, что мы в университете имели много «лабрадорных», как говорит мой муж, по предмету выслу- шивание жалоб...

Правда, осмотрев Артёма (будем так называть этого пациента – вра- чебная тайна не позволяет сказать настоящего имени, прости, Дневник) в приборе Гронтерберга и проведя психологические тесты Анирымша (моего брата :3), я обнаружила, что беспокоиться-таки есть смысл...

Конечно, «вакцина» от Imaginarium- Nihelium была найдена сравнительно давно, однако, как и когда-то с раком, нельзя запускать её. «Отсутствие Во- ображения» (так эту болезнь называет Яндекс-переводчик) довольно легко лечится на первой стадии, на второй – как у Артёма – значительно труднее, а на третьей... Впрочем, любой работник психбольницы скажет, что происходит на третьей...

Помню момент, когда я оглашала свой пригов... кхэм, простите, диагноз и рецепт. Получился диалог типа:

Я: Так-так-так, у вас такой-то недуг на такой-то стадии. Прописываю вам, минимум раз в день... читать книги. Список рекомендуемой литературы прилагается.

Родители: Шта? Книги? Вы в по- рядке?! Не лучше ли...

Я: На данный момент чтение не- мультимедийных книг – единственное известное лекарство.

Р: Но никому сейчас неинте...

Я: Молчать! Я – врач. Я. ЗНАЮ. ЧТО ДЕЛАЮ.

Ну и дальше подобное: стандартные фразы ещё из школьных учебников.

Эх, какое же это всё-таки странное заболевание. Обнаруженное впервые в начале столетия в Столице Империи Техники (город типа Академгородка или поселения Сколково в XXI веке), оно вскоре распространилось на все колонии: Луну, Марс, Европу, Три- тон, Мета-Плутон. И всё чаще и чаще

происходили эпидемии Imaginarium-Nihelium. Как только с ней не боролись: гипноз, ЭМ-промывка мозгов, даже прямое хирургическое вмешательство – всё без толку. Слава небесам, лет 7-8 назад, после публикации работ психоаналитика Лавровой, было, так сказать, разработано лекарство: книги. Нет, не новомодные 4D-симуляторы книжной реальности, не голографические объёмные рассказыватели историй, а самое первое проявление этого – простой неанимированный текст. Причём, отчего-то, лучше всего работает самый архаичный вариант книги – бумажный и без картинок.

Через полтора года я провела ещё один анализ Артёма и, найдя его практически полностью излечившимся, отдала на руки маме и папе. Последовали восхищённые охи, радостные вздохи и «Доктор, это какое-то чудо»...

Что ж, ещё один человек спасён, я неимоверна крута.

И, всё-таки, интересно, в чём природа этого заболевания? Возможно, как я предполагаю, оно появилось, когда вошли в массовое употребление всяческие симуляторы виртуальной реальности. Сначала все говорили, что это изобретение будет развивать образное мышление: представьте, целый виртуальный мир, который ты можешь создать силой мысли. Говорят, что было что-то не так и с этой высокотехнологичной штукой, но не суть. Вскоре оно было вытеснено другим предметом – показвателем информации. Это что-то вроде смеси телевизора, аудиоплеера и мысленного интерфейса: тебе прямо и быстро в мозг отправляется всё, что тебя интересует: тексты, например... Всё так радужно... За исключением одного: когда вся информация очень красочно, эффектно и быстро заполняет твою голову, у тебя просто пропадает возможность додумать что-то самому.

29 января 2301 года

Кнопка

Всё началось, когда мне было девять. Во всяком случае, я так высчитал годы. На самом деле, не могу вспомнить, как именно у меня появилась Кнопка. Она просто принадлежала мне, сколько себя помню. И я всегда знал, как она работает.

Впервые я нажал на неё в четвёртом классе. У нас была тогда первая серьёзная контрольная работа. Я решил её лучше всех, потому что Кнопка позволила мне узнать заранее, какие будут задания...

Через пару лет родители предложили мне завести питомца – кошку или собаку. Я долго не мог определиться, поэтому воспользовался Кнопкой и узнал, что таки кошатник.

Десятый класс – первая влюблённость, первое «свидание». Я очень сильно волновался и использовал Кнопку раз восемь, чтобы свидание, наконец, стало идеальным.

Второй курс. Я нажал на Кнопку перед важным экзаменом. По пути в университет меня сбила машина – убила на месте. Но, видимо, когда разбирали мои вещи, Кнопку нашли и нажали, тем самым воскресив меня.

Я пользовался Кнопкой всё чаще.

Но однажды мне крупно повезло с чем-то. При этом Кнопка была активирована, поэтому, боясь потерять это что-то, спрятал Кнопку подальше и не нажимал.

Три года спустя я был в гостях у сестры невесты. Как вдруг, мне пришло сообщение от сигнализации дома – воров! Я сразу поехал к себе, но, видимо, ворвавшиеся нашли Кнопку и нажали...

Всё тотчас исчезло. Всё, за эти три года мною накопленное, исчезло. И я не помнил, какая последовательность действий позволила мне это приобрести – не смог ничего вернуть.

Тогда я решил уничтожить Кнопку. Но ни кувалда, ни кислота, ни дрель её даже не поцарапали.

Я подумал, что спрячу её, изолирую. В самой глубокой точке планеты – Марианской впадине.

Я собрал все свои деньги и купил билет на корабль, проплывающий над впадиной. И спустя несколько дней, прибыл туда.

Избавление было так близко – осталось лишь выбросить адский предмет в воду. Я привязал Кнопку к булыжнику и бросил.

Свобода. Я наконец-то смог сделать всё «честно». Нашёл новую любовь. Мы жили «душа в душу». Состарились вместе и умерли в один день...

Я очнулся на палубе корабля. Сказать, что это был шок – ничего не сказать. Падая в воду, камень задел Кнопку и, так как я был последним живым существом, коснувшегося её, она сработала на меня. И спустя многие годы, позже моей смерти, её нашли и нажали. И вновь реальность вернулась к моменту активации, а моя память – нет. словно я персонаж какой-то видеоигры, сохранившийся перед сложным заданием. Но здесь нельзя перезаписать – только сохранить и только загрузить.

Десятки жизней.

Я не хотел больше никого терять.

Делал всё, что хотел, ведь даже если меня убили бы – я бы или воскрес вновь, или мои действия повлияли на будущее, и Кнопку не нажмут – желанный покой.

Сотни жизней.

Что только я не пытался сделать, чтобы предотвратить нажатие. Возможно, у меня и получалось что-то, но лишь перенести его, отодвинуть – не более.

Несколько раз кончал жизнь самоубийством. Но вновь Кнопка меня воскрешала.

Тысячи жизней.

Я уже мало что помнил из своей биографии – слишком много воспоминаний, более ранние стали уступать место более новым. Но память о Кнопке всё так же отчётлива.

И вот спустя ещё несколько жиз-

ней разработки, я построил прибор. Он должен отправить сообщение в будущее.

Моя последняя надежда.

Этот текст – и есть сообщение. Вам.

Вы прочитали мою историю, теперь всё знаете. И прошу: во что бы то не стало, не нажимайте на Кнопку.

Елизавета Шабурова

День моего выключения

Я пришел домой. Завтра будет День моего Выключения. Снимаю куртку, вешаю ее на крючок в коридоре. Целую жену, глазу подошедшего робота. Он повизгивает от удовольствия и виляет хвостом. Я спокоен, я счастлив.

Сегодня был мой последний рабочий день. Сотрудники со всего филиала собрались, чтобы устроить мне проводы. Все, от технички до директора, пожали мне руку. Я важен. Но мой срок годности подошел к концу. Я понимаю. Не я один через это прошел.

Проделав череду домашних дел, мы садимся за праздничный ужин. Сегодня моя жена постаралась, приготовила изыски. Я уже очень давно не ел обычной толченой картошки. Дети с недоумением смотрят на ужин. Они к такому не привыкли: жена накрывает им другой стол, в детской, и дает им их любимый детский корм. Вернувшись ко мне, жена достала два бокала и налила в них какую-то красную жидкость. Она расстроена, я вижу, но не могу понять, почему. Ее собственный День Выключения будет через два года.

Я пробую жидкость в стакане. Помнится, раньше мы такое называли «вином». Я спрашиваю жену, откуда она это достала. Выдержав паузу, она говорит, что держала бутылку еще с Тех времен. Я смущен и прошу ее убрать бутылку, потому что это не дозволено, это отравляет организм. Она молча убрала и вышла из комнаты. Но я знаю, что она не обиделась. Она вообще-то должна радоваться.

Я включаю телевизор на кухне. До моего Выключения осталось 10 часов. Через десять часов сюда придут Osborne люди для таких случаев. Я ничего не чувствую по этому поводу. По телевизору снова показывают или ситкомы, или фильмы о любви, или музыкальные клипы. Потому что каждому нужен отдых после тяжелого рабочего дня. Нужно следить за здоровьем, за исправностью твоего организма. Для общего блага. Я натыкаюсь на канал с новостями.

«Сегодня президент нашей республики Юни посетил музей древней истории. Во время увлекательной экскурсии, так сказать, вглубь веков президенту были показаны предметы быта неразумных людей, когда роботы еще не были созданы. Также президент лично зачитал Хартию о сотрудничестве между роботами и людьми. После фуршета президент республики Юни выступил с речью к сотрудникам университета:

– Дорогие друзья! Все помнят, как тяжело было жить в те времена, когда между роботами и людьми не было тех крепких уз дружбы и товарищества, которые их связывают теперь. Нет нужды вспоминать об уровне преступности среди людей, о насилии и жестокости, с которыми они сами не в силах были справиться. Также не стоит напоминать о безвольном положении роботов, которые были тогда, по сути говоря, автоматами! Но давайте навсегда запоем это бесконечно мудрое решение каждой из сторон, которое нашло отражение в этой Хартии. Я, первый президент-робот республики Юни, поздра...»

Я выключил телевизор. Я не мог больше смотреть в голубой экран. Не знаю, что, но что-то всколыхнулось во мне, что-то поломалось с тех пор, как я пришел домой. Я выглянул в окно.

Наши окна выходят на перинатально-механический центр «Центр рожениц». Но боку здания висит большой транспарант: «Люди помогают родиться роботам, а роботы – людям!». Мне хочется выйти, прогуляться,

благо даже сейчас, в час ночи, ничто не угрожает моей жизни. Да, уровень преступности снизился. Краем уха я услышал какое-то странное механическое причмокивание со стороны улицы. Два робота, мальчик в модной одежде и девочка в сарафане. Я слышу их несмазанный смех, металлический, с кислинкой. Я расхотел гулять и отошел от окна. Со мной явно что-то творится.

Я подошел к зеркалу, чтобы, возможно, в последний раз увидеть свое отражение в нем. Я посидел. Если присмотреться, пожалуй, я со всех сторон отливаю серым металлическим блеском. Даже в выцветших глазах есть холодное, мерное сияние стали. Когда я таким стал? Отчего я таким стал? Я не знаю. И, наверное, не хочу знать. Я понял. Это все та жидкость, это она виновата в том, что я сейчас так себя чувствую.

Я сунул голову под кран. Меня это чуть-чуть взбодрило, я ведь почти всю ночь не сплю. Я долго просматривал свои альбомы с фотографиями. Я чувствую благодарность.

Нужно поцеловать жену и детей перед Выключением.

Нужно было сделать это раньше.

Нужно было разбить стекло в ванной.

Нужно было уехать из страны.

Нужно было раньше это сделать.

Я пытаюсь успокоиться. По правде сказать, внутри меня... клокочет! Ураган! Никогда я еще так ясно не ощущал, что живу. Я пошел и с размаху разбил кулаком зеркало в ванной. По кулаку потекла горячая красная кровь. Я был счастлив.

На шум прибежала жена. Она перебинтовала мне руку, а я был счастлив и спокоен. Я поцеловал ее. Мне плевать, что она робот. Я люблю ее. И она любит меня. Она плачет.

К нам в дверь стучат. Я отсылаю жену. Она... она уходит. Я опустошен. Эйфория выкачала из меня все эмоции. Теперь я тоже как робот.

На меня надевают браслеты. Я знаю, сейчас через меня пробежит ток. Я спокоен, я счастлив.

Так и должно быть.

Бесконечность

Сегодня я провёл на удивление удачный день. Не наступал в лужи, по радио играли любимые песни, в общем, все атрибуты успеха, которые только можно придумать для обычных будней. Даже с работы меня отпустили раньше обычного. В общем, иду я, чрезвычайно довольный собой и миром, и вдруг возникает у меня странное чувство – ни дать, ни взять, детективов посмотрелся, – что за мной кто-то следит. Оглянулся – увидел лишь серые пятиэтажки. Это, конечно, пейзаж давящий, но не настолько же. Озираясь, я пошёл дальше. Шёл, шёл, думал о странном чувстве, пока не понял, что снова прохожу возле этих пятиэтажек. Вот тут я напрягся – эти пятиэтажки на моём пути домой всегда одни были. Попытался я бежать – и как будто в воздухе застрял – перспектива не меняется, я на месте топчусь. Думаю, что-то здесь нечисто. Да нет, даже не думаю, паникую скорее! Вижу – задумчивый товарищ проходит как бы мимо, не замечая ничего вокруг. Тут, где-то в метре, он остановился, резко стал оглядываться по сторонам, и... увидел меня. Или это, получается, я увидел себя. В общем, ну и физия у нас была одна на двоих. Оба – в панику, глаза трём, а понять не можем, почему каждый из нас видит в другом себя. Я уж подумал, передо мной зеркало какое-то, но откуда ж зеркалу взяться в этом море пятиэтажек!

– Т-ты кто? – он первым прервал наше молчание.

– Я – Александр Владленович Сидоров. А ты кем будешь?

– А-александром Владленовичем. Сидоровым.

Помолчав немного, мы, не сговариваясь, одновременно подошли друг к другу, чтобы хотя бы пощупать свою точную копию. Пока мы преодолевали

ничтожный метр, разделявший нас, откуда-то послышались громкие возгласы удивления. Мы со вторым Александром оглядывались, оглядывались, да так и не поняли, откуда шёл звук. Впрочем, уже через минуту возмутители спокойствия жильцов (если они вообще были в этих треклятых пятиэтажках) явились на тот участок улицы, на котором мы стояли. И это были, без сомнения, ещё два Александра Владленовича Сидорова. Только у них, то есть у меня, может быть такое глупое выражение лица, тут уж ручаюсь. Не понравилась мне вся эта мура, да и им, кажется, тоже.

– Это как это так? Александры?

– Это что ж это такое?

– Меня сегодня с работы уволили, рубашка порвалась, из лужи окатили, а тут... ещё! Я б сказал, что это такое!

– Ну, не знаю. У меня сегодня просто день как день.

– А я в лотерейку выиграл.

– А у меня просто хороший день, – я тоже вставил свои пять копеек, не удержался.

– Так как же это так, Александры?

Не успел только что это сказавший обвести других многозначительным вопрошающим взглядом, как к нашей компании присоединились ещё шесть Александров, видимо, крайне раздосадованных тем, что обнаружили нашу честную четвёрку. Ну, это уже ни в какие ворота не лезет. И каждый, каждый был вылитый я, только прожитый им день как-нибудь да отличался. Потом нас нашла ещё маленькая компания Александров, человек из восьми, и ещё, и ещё... Количество Александров на площадке между пятиэтажками увеличивалось просто в арифметической прогрессии. Или, может, в геометрической, точно не могу сказать. Постепенно стали приходиться новые Сидоровы, немного и внешне от меня отличающиеся: я без недельной щетины, я с другой причёской, я без ноги или без рук, в конце концов, четыре Александра даже приволокли откуда-то два трупа, и все они, бесспорно, принадлежали мне, вернее, нам. Тут

я догадался до одной простой мысли: меня становится всё больше и больше, а места всё меньше и меньше. Дошло до того, что мне отдавили обе ноги в этой толчее, и воздух наполнился крепкими словами. Наконец, кто-то додумался открыть дверь в подъезд одной из пятиэтажек. Народ вмиг разбежался осваивать новые пространства, я, соответственно, тоже. Что я, не народ, что ли. Странно, но дома были совсем пусты, и, что было ещё более странно, каждая квартира там была как моя, один в один. Ну, набились мы по десять Александров на одну жилплощадь, и коллективно решили все лечь спать, делать-то нечего. Однако от всей этой фантазмагии все ужас как захотели есть, я в том числе. Порешили, что сначала найдём что-нибудь, чем можно набить наши пустые желудки. А нашли мы у меня в квартире макароны, тушёнку и кой-какие крепкие напитки, всегда берегу всё это на случай внезапных гостей. Совместная готовка, еда и общее пребывание в нереальной ситуации сильно сближает людей, поэтому мы поделились друг с другом всей информацией, какой только можно. Даже разобрали кое-какие случаи из детства – к примеру, коллективно постановили, что набить Кольке морду в третьем классе было самое что ни на есть правильное решение, а вот бить после этого морду и Ваньке не следовало, это уж без всяких сомнений. Я с удивлением обнаружил, сколько всего может произойти за один несчастный день, и сколько событий может вестись в него; вон, один Александр успел встретиться с любовью всей своей жизни, спешил на свидание; второй, который выиграл в лотерейку, напротив, спешил в питейное заведение, обмыть выигрыш; с двумя вообще ситуация вышла: им обоим по голове прилетело каким-то тяжёлым предметом, и, если один остался цел и невредим, то второй, напротив, сразу гением сделался; сидел у нас и толкал про сингулярность и прочие тайны Вселенной. Говорили мы, говорили, уже почти спать легли, как вдруг ус-

лышали дикий, нечеловеческий крик откуда-то снаружи. Все сразу же метнулись к окнам, выходящим внутрь, во двор: нашим глазам предстала очень странная картина.

Уже была глубокая ночь. Растущая луна своим светом сделала и без того унылые пятиэтажки какими-то сверх унылыми, как на кладбище – груда трупов только усугубляла ассоциацию. Посреди пространства между пятиэтажками, с которого всё и началось, горько рыдал какой-то парень. Приглядевшись и прислушавшись, мы поняли, что это очередной Александр, только больно странный какой-то, непонятно, почему. Так нас тронуло безудержное рыдание парнишки, что четыре Александра, и я в том числе, спустились вниз, узнать, что случилось и чем можно помочь. Видимо, все остальные давно уже спали, потому что вышли только мы одни; парень продолжал выть.

– Эй, Александр?

– Что с тобой случилось, парень?

– Ты как вообще?

А он даже глаз не поднял, ещё сильнее зарыдал. Вдруг тот, который выиграл в лотерейку, схватил его за грудки и хорошенько потряс; парень вообще не сопротивлялся, но хотя бы затих. Наконец, он заговорил.

– Можете меня бить. Можете меня вообще убить. Это я во всём виноват.

– Стой. Что здесь вообще происходит? – начал было спрашивать тот Александр, что стал гением, но тут парень снова засопел носом и изговаривался плакать с ещё большей силой. Александр с лотерейками вовремя помешал этому делу, отвесив щелбан рыдальцу, отчего тот снова собрался.

– Я – путешественник во времени, – гордо было сказал парень, но тут же шмыгнул носом. – Я собрал машину, которая отправила бы меня в прошлое, чтобы я смог, там, предупредить человечество о катастрофах, рассказать о новых технологиях, ну и так далее, фильмы-то все смотрели. Но я кое-чего не учёл. Есть такое явление, как временные петли...

– Ты хочешь сказать, что ты попал во временную петлю и мы все с тобой? – прервал его один из нас.

– Нет, нет же! Ладно, с другой стороны зайду. Кто-нибудь знает что-нибудь о Шрёдингере?

И тут случилось нечто невообразимое. Тот, который гений, согнулся в три погибели и упал на землю. Мы было кинулись к нему, но услышали его оглушающе громкий хохот. Потом он соизволил объяснить нам его причину.

– Видите ли, граждане, что произошло. Этот, – он махнул рукой в сторону парня, – неудачник смог каким-то образом устроить всевселенный сбор Александров Владленовичей Сидоровых! Товарищи, предлагаю отметить!

– А теперь объясни для всех, шутник, – мда, Александр, что с лотерейкой, шутить явно не любил.

– В общем и целом, вы все Александры из разных Вселенных, – бодро было начал гений, да, увидев кулак лотерейного, осёкся и заговорил более осторожно. – Начну издалека. Был такой учёный Шрёдингер, и поставил он однажды такой эксперимент: посадил в коробку с капсулой с отравляющим газом кота и закрыл её. При этом, кот как бы существовал в двух состояниях одновременно – то ли он был мёртв, потому что капсула разбилась, то ли он был жив, потому что капсула всё-таки не разбилась.

– Гады эти немцы, почто так животину тираничали! – особо сердобольный Александр подал голос, озвучив мысли большинства.

– Ну так и вот. Из этого сделали вывод, что существуют две разные Вселенные, с живым и с мёртвым котом соответственно.

– И? – нетерпеливо спросил я. Я так и не понял ничего из предисловия, вроде никаких капсул или котов я сегодня не встречал.

– Это значит, что существует бесконечное множество Вселенных с разными Александрями Сидоровыми, потому что каждому из нас сегодня пришлось сделать даже не один, а десятки, сотни выборов; в некоторых

ситуациях выбор даже был сделан за нас; и это только за сегодня. Есть ещё бесконечное количество Вселенных с Александрями Сидоровыми из вчера, позавчера, два года назад...

– Это что, бесконечная бесконечность?

– Ну, вроде того.

– И что нам делать? – этот вопрос разом вырвался у трёх Александров, включая меня.

– Что? А я, по-вашему, знаю? Я хоть раз бывал в таких ситуациях? Нет, станешь гением, так сразу налетают со всех сторон со своими вопросами.

– Это, парень, ты как думаешь, что нам теперь делать? – в надежде на лучшее, мы все посмотрели на горе-путешественника.

– Можете меня бить, но единственное, что мы можем делать в такой ситуации, – тут он выдержал паузу, словно приобщая нас к чему-то торжественному и таинственному, – это проникнуться величием бесконечности.

И тут я понял, понял наконец. Какая же серьёзная и отвратительная штука эта ваша бесконечность!..

Юлия Аринчёхина

Вспомнить, кто ты есть

Начало.

Видите того парня, который всё время поглядывает на часы? Да-да, вон того шатена с длинными волосами. Это Макс. Мы с ним начали встречаться неделю назад. Хотя, будь моя воля, это случилось бы раньше...

Ещё пять секунд... Всё, можно идти.

– Ты опоздала, – укор не только в голосе, но и в глазах.

– Всего на пять минут. Ровно на пять минут, – выделяю голосом слово «ровно» и смеюсь, утыкаясь лбом ему в плечо. Специально считала секунды...

Вечером выхожу на улицу и смотрю на уже по-осеннему темное небо, на котором сияет полная луна, а звёзды, словно политые ее серебряным светом, сверкают ещё ярче, чем обычно. Снова

захлестывает волна иррационального счастья, от которой хочется смеяться. Как же хорошо жить!..

На следующее утро я лениво встаю с кровати, попутно выключив будильник, и иду на кухню. Соображаю отвратительно, хотя уже и не раннее утро. Ничего, ничего, вот сейчас выпью кофе и вновь стану человеком. Шарю в шкафчике над раковиной, но нахожу только соду. Раздражённо запикиваю её на место и вздрагиваю, когда слышу голос за спиной:

– Нет там кофе, уже искал...

– Макс?! – почти взвизгиваю от неожиданности, стыдоба.

– Досыпаешь на ходу? – хмыкает он.

Тут я окончательно просыпаюсь и понимаю то, чего не заметила спронея, передвигаясь на автомате. Я не у себя дома, а в какой-то квартире... Может ли это быть, что это та самая квартира на съём, которую Макс недавно нашёл? Странно, я же точно помню, как вчера вечером вернулась к себе домой...

– А меня не потеряют?... – спрашиваю больше для себя. Отец точно будет беспокоиться.

– Ты же с родителями уже полтора месяца не общаешься, после того случая... – смотрит на меня удивлённо.

– А, ну да, это я ещё сплю, видимо... – нервно улыбаюсь. Наивная попытка сделать вид, что всё в порядке. Какие, к чёрту, полтора месяца?!

– Я что пришёл-то... Я тебе вчера таки забыл проект скинуть, – Макс бесцеремонно врывается в мою мешанину мыслей, добавляя в кашу вопрос «Какой ещё проект?!» и облегченный вздох «Кажется, это всё-таки моя квартира. И то хлеб...».

Смотрю на то, как парень вытаскивает из сумки ноут.

– А на флешке нельзя было? – замечаю иронично.

– На той неделе отдал Бену последнюю, – виновато пожимает плечами. – Сама же знаешь, как он их любит терять.

Интересно, что за Бен? Отмечаю это как-то отстранённо, отправляясь на поиски флешки. К счастью, привычкам своим я не изменила – нахожу оную в косметичке, а косметичку на комод в спальне. Попутно изучаю квартиру. Небольшая, но двухкомнатная. Хотелось бы знать, сколько я за неё плачу... Сомневаюсь, что за полтора месяца я могла наскрести деньги на покупку жилья.

Когда возвращаюсь, вижу, что Макс уже устроил ноут на столе, нагло потеснив кружки и сахарницу. Застываю, глядя на дату в углу экрана. Две тысячи шестнадцатый год?! Парень перехватывает мой взгляд.

– О, точняк, надо дату поправить, – и действительно, исправляет. На январь две тысячи четырнадцатого. А я-то, наивная, думала, что сейчас середина августа тринадцатого... Попутно замечаю странность в календаре: есть седьмой месяц, есть девятый... А этого самого августа две тысячи тринадцатого нет.

– Погоди, – хмурюсь, отбираю мышку. В четырнадцатом году есть август. И в двенадцатом. – А где август тринадцатого?

Макс смотрит на меня очень странно и очень долго. Настолько долго, что я повторяю вопрос:

– Где восьмой месяц?

– Я, конечно, понимаю, что человечество решило этот месяц забыть, но... – вздыхает. – Хорошо.

Память.

Шестнадцатого августа – да-да, в тот самый день, который, как мне казалось, должен был быть сегодня, – появились Твари. Откуда, как, почему – так и не выяснили. Как выглядели? Берем человеческий скелет, вытягиваем его в длину, цепляем мышц и сухожилий по минимуму и, ах да, конечно, обтягиваем серой кожей. Твари обладали недюжинной физической силой, а их агрессивности хватило бы на десятерых. За несколько дней Вторжения – так окрестили это явление – погибла почти треть населения Земли. Такое

количество жертв получилось ещё и потому, что мгновенно образовались банды разбойников и мародеров, где-то под шумок решили сменить правительство, кто-то воспользовался ситуацией, чтобы убрать неприятных ему людей, были и фанатики, вещавшие о Судном Дне, и массовые самоубийства... Девять дней всеобщего безумия, которые человечество решило вычеркнуть из своей памяти. Август тринадцатого убрали из всех календарей, произношение этого словосочетания каралось штрафом... Но разрушения никуда не делись. И погибшие люди, и сиротевшие дети, и овдовевшие мужья и жены тоже...

Все это я извлекаю из смутных отголосков в своей памяти и обрывочных фактов, которые сообщает Макс. Он все время сбивается на воспоминания о тех днях, когда он, отстреливаясь от Тварей, бежал к жилому дому, а люди из окон кидали в него камнями – это была «их территория».

В какой-то момент я перестаю слышать путанные воспоминания Макса и вижу незнакомую комнату, захламленную техникой непонятого назначения.

– Потрясающе! – восхищённо шепчет кто-то рядом. Я поворачиваю голову и лицезрю парня моего возраста, с темной чёлкой, всё время падающей на светло-голубые глаза и с «бровями вразлет», другого описания в голову не приходит, очень уж они, брови, выдающиеся... Тут я понимаю, что лежу на кушетке, в чужой и почему-то мужской одежде, и ко мне прицеплено огромное количество каких-то проводков и датчиков, ведущих к сенсорному моноблоку, возле которого и стоит вышеупомянутый парень. Он щёлкает каким-то выключателем, и я выгибаюсь в немом крике от ощущения, что сквозь каждый нерв моего тела пропустили электрический ток. Слабенький такой, от него не больно, но очень неприятно.

– Что ты... – пытаюсь возмутиться, но снова чувствую разряд. И ещё один,

после которого, наконец, мне удается выдохнуть: – Прекрати!

– Ой, ты очнулась, – парень поворачивается ко мне. – Понимаешь, я пытаюсь понять причины такой реакции твоего мозга...

– А нельзя это делать после моего согласия и каким-нибудь менее неприятным способом?.. – ворчу, садясь на кушетку и начиная отцеплять провода. Парень явно смущается и начинает мне помогать.

– Просто в любой момент сюда могут прорваться Твари... А я приводил тебя в чувство и заметил странность... Обидно было б, если б я даже не попытался разобраться... – бормочет, перескакивая с третьего на десятое и я, разумеется, ничего не понимаю. Видимо, время, отведенное на передышку, заканчивается, потому что к нам действительно прорываются... Но не Твари, а люди. Пять человек в форме спецназа, двое из которых тут же становятся у двери, а остальные берут на прицел паренька, который резко замолкает.

– Клэр! – восклицает один из них, откидывая маску, и я с удивлением узнаю Виктора, своего троюродного брата. – Этот псих с тобой ничего не сделал? Я как увидел, что он тебя утаскивает...

– Нет, все в порядке! Он меня в чувство привел, да и вообще, он хороший, – непонятно, для чего, добавляю, хотя ещё в начале собственной речи сдвинулась так, чтобы быть между автоматами и парнем.

– Уверена? Ладно, парни, передо-хнем, а потом надо выбираться отсюда.

И опять я сижу с Максом на кухне своей квартиры...

Взгляд у парня затуманенный – он уже давно молчит, потерявшись в собственных воспоминаниях. Я осторожно касаюсь его ладони, он вздрагивает и приходит в себя.

– И чего это мы про август вспомнили?.. – он осекается, заметив мою ладонь поверх своей. – Ты чего? Мы же ещё в сентябре...

Макс не успевает договорить, потому что я резко отдергиваю руку и перебиваю его:

– Я просто пыталась до тебя достучаться. Ты словно в трансе был, – развожу руками, в то время как в голове водоворот мыслей всё увеличивает свою скорость.

Еле дожидаюсь, пока он перекинет этот свой проект на флешку, и выталкиваю почти взащей. Но у меня есть оправдание: мне правда необходимо побыть одной.

Смерть.

Полчаса в сети, и я иду на главную площадь города. Там я вижу монумент – гранитную плиту с выбитой надписью «16-24.08.13. Невинным жертвам Вторжения». Множество цветов, хоть и зима, хоть и прошло полгода. И – самое главное. Моноблок в нише. Списки погибших. Я не уверена, что хочу здесь находиться. Я не уверена, что хочу знать имена тех, кого больше никогда не увижу. Сердце болезненно сжимается, пока листаю списки. Дата рождения – дата смерти. Вот этому малышу было три года. Чуть ниже – та же фамилия, тот же день. Наверняка, его мать...

Нахожу имена доброй половины своей группы. В памяти всплывают почему-то их спины и макушки – на парах я всегда сажусь подальше, а потом, вынуждена по спинам и макушкам идентифицировать «своих», выполняя обязанности старости.

А потом я цепляю взглядом свою собственную фамилию. Казалось бы, что не так – однофамильцы не редкость в крупных городах. Только имя и отчество тоже отчего-то совпадают. Как и дата рождения. А дата смерти – двадцать первое августа. Но я же жива? Жива? По спине все равно ползёт противный холодок.

Хранилище. Так они называли место, куда поместили останки погибших. Логично, в принципе. И то, что трупы сжигали, тоже логично, потому что их было слишком много. Снаружи Хранилище выглядит как обычный склеп.

Внутри – холодный свет ламп, тихие шаги и шепот скорбящих, и ряды контейнеров, уходящих вдаль. Основная часть Хранилища под землей, что, повторюсь в третий раз, логично.

Иду, мысленно повторяя алфавит. Нахожу нужный контейнер. Имя, фамилия... Фотография, явно вырезанная из студенческого билета. Моя фотография из моего студенческого. Помню, как расстраивалась, когда поняла, что потеряла одну из своих любимых сережек. Так и получилась на этой фотографии – в одной сережке. Отмечаю это все как-то машинально, а в голове бьется только «Как?..».

– Извините, пожалуйста... – подхожу к старичку-сторожу. – Если есть контейнер, значит, тело было найдено, да?

– Я понимаю, что Вам не хочется в это верить, но – да, – и смотрит так... понимающе. Навидался он здесь, наверное...

Какое там не хочется верить, в это просто невозможно поверить!

Быстрым шагом поднимаюсь по лестнице. Надо найти какую-нибудь квартиру и немного поспать. И хорошо бы поесть... В кармане бряцают патроны от отцовского ружья, которое я держу в руках. Их мало и это на крайний случай, пуля в лоб одинаково помогает и против тварей, и против людей... Стараюсь обходиться ножом, который лежит в другом кармане. Терзания совести давно были отодвинуты на задний план. На первом плане было только одно – выжить в этом безумии.

Где-то наверху слышу вой. Хотя, нет, не вой. Это плач. Я прибавляю шаг, но ружье не опускаю – мало ли. Заворачиваю направо в квартиру, из-за приоткрытой двери которой доносится звук. И – вздрагиваю от неожиданности. В квартире две Твари. Одна, явно мертвая. И другая, сидящая рядом и издающая этот самый плач-вой. Вторая тварь гораздо меньше тех, которых я видела раньше. И телосложение немного другое. Ребенок, понимаю я. Ребенок, который только что потерял кого-то очень близкого. Существо по-

ворачивает голову и смотрит на меня черными глазами. А я не могу выстрелить. Руки сами опускаются и я медленно отступаю из квартиры.

Остаться в этом доме небезопасно, поэтому я спускаюсь обратно, периодически оборачиваясь. Но меня никто не преследует. Выхожу на крыльцо. Заходящее солнце на мгновение ослепляет меня, а когда я вновь обретаю зрение, вижу Тварь на той стороне дороге. Что-то отбрасывает блик на землю, а в следующий миг я сгибаюсь пополам от боли в груди. Слабеющими руками пытаюсь вытащить нож, который в меня кинула Тварь, хотя это уже никак не поможет. Падаю ничком, собственным весом вгоняя нож еще глубже...

Тьма.

И вновь я на выходе из Хранилища. В ногах почему-то слабость, и я хватаюсь за дверной косяк, чтобы не упасть.

– Девушка, с Вами все в порядке? – старичок-сторож вскакивает.

– Да... Да, все в порядке, – отлепляюсь от косяка и покидаю Хранилище. Да. Все в порядке. Просто я только что вспомнила, как умерла. Разумеется, все нормально.

Кажется, у меня начинается истерика.

Осознание.

Я лежу на кровати, тупо глядя в потолок, когда в коридоре слышатся шаги и чей-то голос:

– Клэр? Клэр!

Чертыхаюсь. Видимо, я возвращалась в такой прострации, что забыла закрыть дверь. Вспоминаю неожиданно, что сегодня утром, когда зашел Макс, дверь тоже была не заперта. То есть вчера вечером я могла прийти домой в таком же состоянии. Может, что-то меня настолько шокировало, что спровоцировало потерю памяти? Да нет, бред какой-то. Амнезия тут никаким боком...

В дверях показывается чья-то черноволосая голова. Погодите, да это же давешний псих! В смысле, тот парень из утреннего воспоминания...

– Я уж думал, случилось что... –

вздыхает и оглядывает бардак в комнате. После возвращения из Хранилища я немного побушевала...

Вопросительно на него смотрю. Что ему от меня надо? И как, интересно, его зовут?

– Я тебя полчаса ждал, потом стал звонить – сотовый выключен, домашних не отвечает...

Я покосилась на мобильник, который валялся на полу с отлетевшей после удара о стену задней крышкой:

– Я сегодня... немного приболела, – немного подумав, отвечаю я. – Ну, знаешь, грипп и всё такое...

– А. Ясно. Но могла бы и предупредить...

– Да, конечно. Извини, – молчим, он мнетя на пороге. – Слушай, помнишь день, когда мы познакомились?

– Разумеется, – пожимает плечами и удивленно на меня смотрит.

– Какое тогда было число?

– Двадцать второе.

Парень – он, кстати, и есть тот самый Бен, я посмотрела в контактах телефона, – уже ушел несколько часов назад, а я все так же лежу на кровати и смотрю в потолок. Даже если я каким-то чудом выжила после ножа в сердце, кого же тогда сожгли вместо меня? При чём на теле нашли мой студенческий. С фотографией. И почему, когда я пришла в себя, на мне была чужая одежда? И, кстати, от ранения не осталось никаких следов. Нет даже шрама.

Бен тогда что-то говорил про странную реакцию моего мозга на электричество...

Ярость. Ярость и боль наполняют меня. Это твари убили отца! Говорят, гнев ослепляет. Мне он придает сил, и нож, который я метаю в человека, входит почти по рукоять. Я убью их всех. Всех, кого смогу достать, пока они не убьют меня. Разумеется, они меня убьют. Мы обречены на поражение – хоть мы и сильнее, их больше. Я уже собираюсь двигаться дальше, когда слышу мысль братишки. Человек – человек! – пощадил его. Братишка посы-

лает образ, и я понимаю, что я только что убил этого самого человека...

Человек еще жив, хотя и без сознания. Значит, я могу перенять не только внешность, но и воспоминания, личность. Они наверняка сотрут меня. Но он подарил шанс на жизнь моему брату. Будет справедливо, если я отплачу тем же...

Пока перестройка не началась, надо уйти подальше. Два одинаковых тела рядом... Не будет ничего хорошего.

Долго-долго смотрю на свои руки. Человек человеком. Вот только...

Я и правда умерла.

А жить продолжает Тварь.

Или жить продолжает Клэр?

Корнева Алла

Нежные существа

Поездки на машине в жаркие дни обычно очень утомляли, но цель этой поездки оправдывала все мелкие неудобства вроде лёгкой жажды и дневной жары. Поэтому даже несмотря на то, что тонкое цветочное платье прилипло к кожаной спинке в салоне, распущенные волосы ещё сильнее подогревали и без того горячую кожу спины, а у висков собирались мелкие капельки пота, дышалось довольно легко, и даже непонятно было от чего именно. То ли от того, что через полностью открытое окно ветер так приятно остужал лицо и шею невесомыми касаниями, словно бы кто-то набросил влажный шёлковый шарф, то ли от мыслей о недавно приобретённом доме.

Как только синяя лента воды оказалась совсем рядом, я остановила машину у крутого спуска. Обогретые летним солнцем берега буквально светились, маня упасть прямо здесь, на горячие камни и уснуть до заката. Идея спать под полуденным солнцем была глупой, но кто мог отказаться кидать мелкие камешки вдаль океана, стоя босыми ногами в воде? Кто угодно, но не я.

Игра бликов и лучи солнца, то-

нущие в пенистых волнах морского царства, крики чаек, ветер, что пытался украсть шляпу и неведомый шум, похожий на чей-то голос. Всё будто бы просило остаться, но мне нужно было двигаться дальше, чтобы весь следующий день провести у воды.

Коробки с вещами в багажнике на особенно сложных участках дороги напоминали о своём присутствии: позвякивала посуда и статуэтки, подпрыгивал временами и старый мольберт на задних сидениях.

Удивительно было наблюдать как на протяжении дороги океан медленно переливался в море, а оно сливалось с реками, что на картах, опоясывают землю словно тысячи нитей, ну а из тысяч хотя бы одна из них впадала в маленькое сверкающее озерцо, которое было как раз вблизи, у моего нового дома.

Подъезжая, я видела множество таких же, как и мой, маленьких летних домиков: все выкрашены в светлые и нежные цвета, как будто кто-то рассыпал у берега игрушки. Издалека доносился глухой лай. Я вышла из машины, через узорчатую калитку был виден небольшой участок двора. Чем ближе была я к самому дому, тем шире становилась моя улыбка. Крохотный палисадник, маленькая терраса и старый фонтанчик – всё здесь выглядело так трогательно мило, что хотелось кричать от нахлынувшей радости.

* * *

Уборка и разбор основных вещей с перерывом на сон заняли практически весь оставшийся день. Стоило порадовать себя чем-то приятным за проделанную работу, и пикник показался мне лучшей идеей. Я переоделась и сходила на рынок, купила фруктов, вина и сыра. Сама порадовала себя чудесным букетом белых лилий и нашла в коробке с вещами свечи. Когда всё необходимое уже было в корзине, я отправилась к озеру.

Помост был свободен, и я расстелила плед прямо на нём, опустив ноги в воду. Вокруг было спокойно, а озеро настолько чистым, что я могла раз-

глядеть в нём голубизну собственных глаз. Сладкий аромат дыни таял в воздухе и огоньки на свечах подрагивали от лёгкого ветра.

Уже прошло около часа, когда среди таинственной тишины послышался всплеск. Я подумала: «Может рыба?» Но чуть позже над самой гладью воды показалось лёгкое свечение. Вечером свет на воде мог быть лишь каким-нибудь великим знамением или следствием передержанного сыра, поэтому я решила не предавать этому особого значения и продолжила поздний ужин.

Внезапно из-за кустов с лаем вылетело рыжее пятно. Пёс перемахнул через помост и прыгнул в воду, зацепив корзину с цветами и погасив свечи. Вода брызгами разлетелась в разные стороны, и кожа у меня тут же покрылась мурашками. Рядом послышалось шипение. Я побежала в сторону берега, доски подо мной застучали. Навстречу мне выбежал мужчина, он извинялся и звал собаку, которая всё так же барахталась в воде и лаяла на невидимого чужака.

Часть ужина была утоплена в озере, но я не стала расстраиваться, думая о том, сколько ещё дней смогу провести у воды, зарисовывая пейзажи.

Я прошла обратно за оставшимися вещами и вновь услышала то же шипение. «А вдруг там кошка?!» Я легла на помост и перегнулась через него, чтобы проверить. Там, в темноте сияли два синих глаза с вертикальными зрачками. Я приняла обычное положение и решила позвать её, конечно, вряд ли напуганное животное так запросто последовало бы на мой зов, но попробовать стоило. В ответ снова послышалось шипение, я начала беспокоиться: «Как же её достать?» А спустя минуту приняла решение спуститься в воду, иначе бы кошка попросту могла утонуть.

Оказавшись рядом с помостом так, что можно было легко коснуться его рукой, я медленно подошла ближе и когда вновь услышала шипение, (уже более тихое) спокойно и ласково стала звать животное, протянув навстречу ладони. Было уже темно и увидев

медленно выплывающее чёрное пятно, замерла в ожидании.

Кошка, которую я так отчаянно пыталась спасти в этот странный вечер оказалась бледной девушкой. Она так же медленно приподнялась, вставая в полный рост. Я сразу заметила, насколько она была красива с её светящейся фарфоровой кожей и контрастно тёмными чёрными короткими волосами. Её кошачьи глаза завораживали и совершенно сбивали с толку. Странно, но я совсем не чувствовала ни страха, ни тревоги, и даже холод воды стал мне безразличен.

Вокруг плавали оставшиеся от моего букета цветы, и девушка вдруг наклонилась, подхватывая их один за другим, пока я всё так же замороженно наблюдала за её плавными движениями. Она вдруг выпрямилась, будто прикрывая букетом свою наготу. Лилии словно были продолжением её тела. Такие же белые, с аккуратными изгибами и мелкими блестящими капельками воды. Наблюдая это, я, не задумываясь распустила ленту, которой были схвачены мои волосы и коснулась её холодной руки, чтобы взять цветы. Она испуганно вздрогнула и выронила букет, но я спокойно подняла, обвязала его лентой и осторожно протянула ей. Девушка всё так же напугано смотрела на меня и на протянутые ей цветы, но всё же приняла их и, до последнего внимательно глядя мне в глаза, скрылась под водой. За ней, расплываясь кругами, следовал голубоватый свет.

* * *

Я стояла в воде ещё какое-то время, пока наконец не поняла, что замёрзла. Это было похоже на пробуждение от гипноза: в голове совершенно пусто и невозможно трезво мыслить о чём-то, что было до него.

Озеро теперь наполнилось пением сверчков и я, сотрясаясь от холода, поспешила к дому. Сон застал меня на ещё не застеленной кровати, среди оставшихся коробок и вещей, как раз в тот момент, когда я нашла тёплое одеяло.

Сквозь незакрытые занавески солнце объявило начало нового дня, щекоча кожу тёплыми и яркими лучами. Вчерашние события сейчас напоминали удивительный сон, и всё утро за завтраком и во время уборки я всё думала о той девушке. Ещё свежи были эмоции и чувства, словно я заново проживала вчерашний вечер. Её образ неммым вопросом застрял в моих мыслях и в конце концов стал единственным, о чём я могла думать

«Неужели русалка?» Эта мысль была не странной, скорее неожиданной или просто непредсказуемой. Так непривычно и наивно было предполагать что-то вроде этого, ведь в последний раз, когда я всерьёз задумывалась о существовании русалок, я ещё не могла писать все слова правильно.

Единственным, что в тот момент я осознавала ясно, было желание вернуться на озеро, и я поспешила осуществить эту идею, пока сама же не успела подвергнуть её сомнениям.

* * *

Я сидела на помосте до самого вечера, но никто, кто мог бы быть хоть немного похож на ту девушку, не появился. Конечно, было бы глупо скрывать своё разочарование, но я вновь решила не заикливаться на неприятных эмоциях. «Лучше не ждать совсем ничего, чем провести всю жизнь в ожидании чего-то неизвестного»

На следующий день я снова купила белые лилии и снова пришла к озеру, но в этот раз у меня не было цели ждать незнакомку, я пришла рисовать. Хотелось всё же оставить что-то на память от нашей встречи, что-то кроме воспоминаний, и я решила запечатлеть цветы на воде, прямо, как и в тот день.

Несколько лилий мягко колыхались на поверхности, капли воды на них сияли. Озеро было ещё спокойней, чем в прошлые дни, поэтому я могла не беспокоиться, что цветы расплывутся. Кисть легко и свободно гуляла по холсту, оставляя шлейф из красок. Иногда я задерживала её над полотном, прикрывая глаза, и слушала шёпот листьев и щебетание птиц. В один

из таких моментов я не заметила, как один из цветков, что на картине должен был располагаться посередине исчез, а на его месте кругами расходилась вода. Я взяла ещё одну лилию, чтобы заполнить пробел в композиции.

В последующие три дня, когда я приходила рисовать, всё время пропадал один из цветков. И однажды я застала того, кто крал мои цветы. Я вновь увидела ту девушку. Как только она поняла, что выдала себя, сразу же спряталась, но мне так хотелось увидеть её ещё раз. Было сложно побороть это желание, и я стала каждый день приносить ей небольшой букетик белых лилий. Мне было совершенно всё равно, для чего они ей, я просто была рада, что могу дать ей что-нибудь взамен за то, что каждый раз дожидаюсь момента, когда она выглянет из воды, чтобы забрать цветы и смотрю на неё.

Спустя ещё какое-то время она как-то узнала, что я тайно наблюдаю за ней и исчезла, но позже всё-таки свыклась и сама стала наблюдать за мной, пока я рисовала белые цветы.

Один раз ей стало так любопытно, что она полностью высунулась из воды и села на край берега. Я не удержалась и метнула взгляд в её сторону, она испугалась, и я уже подумала, что она снова скроется от меня, в этот раз, быть может, навсегда, и поспешила спрятать взор за мольбертом. Послышался всплеск воды. Я не могла продолжать рисовать в дурном настроении и уже хотела уйти, но случайно заметила, что девушка всё ещё здесь. Она сидела уже ближе, спиной к дереву, так что я могла видеть её только сбоку и совсем небольшую часть. Я тут же сменила холст и начала зарисовывать. Рисуя, мне удалось разглядеть на её теле небольшие полупрозрачные чешуйки и маленький плавник на левой ноге, но это не делало её страшной или странной. Эти её особенности я приняла как весь мир, просто и естественно. «Ведь так и должно быть...», – подумала я, – природа создала её, как и всё остальное, и она прекрасна.»

* * *

Встречи наши были тайные и порой очень короткие. Она пряталась, если слышала, что рядом были другие люди, хотя большая часть из них всегда находилась на обратной стороне озера, да и сам водоём не был маленьким, она всегда была очень осторожна.

Мы стали сидеть так очень часто, и чтобы скрыть её наготу и плавники на ногах от чужих глаз, однажды я принесла ей длинный шёлковый халат нежно-голубого цвета и оставила вместе с очередным букетом. Я даже и подумать не могла, что ей так понравится оборачиваться в него и так грустно будет с ним расставаться. С тех пор я каждый день приносила шёлковый халат к берегу.

После многочисленных таких наших встреч (я ходила к озеру каждый день в любую погоду), она совсем ко мне привыкла, и я могла передавать букеты ей лично в руки, вблизи рассматривать какие-то маленькие детали и всё записывала на обратных сторонах полотен.

Но чем дольше я проводила с ней время, тем больше я стала замечать в её поведении какое-то странное беспокойство и тем лучше я понимала, что, на самом деле, не знаю и не могу её знать...

В одну из наших встреч на мне было жемчужное ожерелье, она уже сидела довольно близко, буквально на расстоянии вытянутой руки и так грустно и болезненно смотрела на него, будто что-то хотела сказать. Я уже не рисовала, и мы просто сидели вместе на небольшом расстоянии. Она внезапно потянулась к ожерелью и стала перебирать жемчужинки, а я лишь удивлённо смотрела на то, как она покручивает их

пальцами, аккуратно отделяя по одной острыми ногтями.

Её действия прервал сильный зуд, она вдруг стала чесать руки и ноги в разных местах, пока с её кожи сыпались чешуйки, потом она глухо кашлянула и медленно пошла к воде.

Тогда я поняла, что это было не беспокойство, а гнетущая тоска.

* * *

В один из дней я пришла к озеру и не дожидаясь пока она полностью выйдет из воды, подхватила её на руки и понесла к машине. Она разнервничалась, начала шипеть и царапаться, но усадив её на сиденья, я погладила её руку с осыпающейся чешуёй и улыбнулась, чтобы она чувствовала себя спокойней (она очень хорошо понимала эмоции) и только после прикрыла ей глаза лёгкой повязкой.

Эта дорога была хорошо мне знакома, по ней я ещё в середине лета ехала сюда, в новый домик рядом с озерцом, а солнце светило всё так же ярко, но в прошлый раз грело много сильнее.

Мы вышли из машины возле крутого спуска, я помогла ей пройти по нему вниз, и мы уже стояли на больших серых камнях. Она сжимала пальцы на ногах и замирала, чтобы понять, где находится. Я развязала её синие глаза и в них отразился такой же синий океан.

Она опустила на колени, зачерпнув ладонью воду, которая нахлынула волной, затем встала, посмотрела на меня нечитаемым взглядом и скрылась вместе со следующей волной.

Только сейчас я поняла, что за всё время, что я жила вблизи океана, мне хватало одного озерца, а приносить на берег белые лилии так и осталось моей дурной привычкой.